

Ю. А. <Ю. И. АЙХЕНВАЛЬД>

Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности

Сам автор сознательно позаботился о том, чтобы нельзя было рассказать содержание этой книги. Он хотел создать из нее «апофеоз беспочвенности», т. е. изгнать с ее игривых страниц всякую общую идею, всякую определенную мысль. Враг системы и законченного рассуждения, г. Шестов «вытраивал» такую общую и основную мысль, и «вся задача» его (*курсив наш*) «состояла в том, чтобы раз и навсегда избавиться от всякого рода начал и концов».

«Нет идеи, нет идей, нет последовательности, есть противоречия, но ведь этого именно я и добивался» (стр. 3). Таким образом, та отрывочная, но сама по себе законная форма, в какую наш беспочвенный автор облек свою книгу, явилась не естественным порождением свободного ума; его афоризмы не вылились непринужденно и непосредственно в живой игре и блеске ничем не связанных идей: нет, г. Шестов *захотел* быть непоследовательным, намеренно стремился к противоречию, нарочно бежал от логического единства. Он заботливо опутал себя предвзятой мыслью о вреде всякой общей мысли, и, значит, движение его идей не только не было свободно, не только г. Шестов не проявил себя в их сфере вольным художником, но и больше чем кто-либо он впал в ту самую догматичность и рабское поклонение норме, которые он так насмешливо клеймит в других. Адогматичность стала его догматом. Впрочем, и это роковое, это коренное противоречие, вероятно, не смутит автора, так как именно противоречия, повторяем, он и хотел. Но оттого-то книга г. Шестова и звучит дурным тоном, и представляет она собою не выстраданное, серьезное желание истины, а какую-то кокетливую игру, флирт с нею. И неприятное впечатление равнодушия производит, например, следующий характерный совет автора: «Нужно взрыть убитое и утопанное поле современной мысли. Потому во всем, на каждом шагу, при случае и без всякого случая, основательно и неосновательно следует осмеивать наиболее принятые суждения и высказывать парадоксы. А там — видно будет» (стр. 33). Между тем, что может быть пошлее и оскорбительнее намеренного парадокса? Следуя своему совету, неуклонно помня о своей мнимой адогматичности, г. Шестов предлагает нам ряд скептических афоризмов. Все они выиграли бы, если бы не чувствовалась большая притязательность автора; многие из них очень интересны; некоторые из них весьма плоски и грубы — например, следующие два: «Когда Ксантиппа облила помоями Сократа, вернувшегося с занятий философией, он, по преданию, сказал: “После бури всегда бывает дождь”. Не достойнее ли истины (не мудреца, а *истины*) было бы сказать: по-

занявшись философией, все равно чувствуешь себя облитым помоями, и Ксантиппа дала только внешнее выражение тому, что происходило в душе Сократа. Символы не всегда бывают красивы» (стр. 69). «Отрыжка прерывает самые возвышенные человеческие размышления. Отсюда, если угодно, можно сделать вывод, но, если угодно, можно никаких выводов и не делать» (стр. 177). В общем, надо пожалеть, что г. Шестов свое несомненное литературное дарование, особенно проявленное в его прежних трудах, растрчивает и искажает в опасной и далекой от истинной оригинальности погоне за необычным. Свои излюбленные взгляды о ненужности идей, свой протест против всяческой морали, между прочим и логической, он должен был бы раз навсегда спокойно и серьезно изложить без иронических недомолвок и интеллектуальной развязности.

С. К-ИЙ

Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления

«Нужно оправдываться — сомнения быть не может. Вопрос лишь, с чего начать: с оправдания формы или содержания настоящей работы. У нас полагают, что книга должна представлять из себя последовательно развитую систему мыслей, объединенных общей идеей, иначе она не оправдывает своего назначения... Но по мере того как растет недоверие к последовательности и сомнение в пригодности всякого рода общих идей, не должно ли явиться у человека отвращение и к той форме изложения, которая наиболее приспособлена к существующим предрассудкам?»

Таковыми словами начинает г. Шестов свою книгу. Мы, собственно, думаем, что ни афористическая форма, ни философский импрессионизм, который он в эту форму вкладывает, в таком оправдании не нуждаются. Не нуждается в оправдании та форма изложения, которую избрали Шопенгауэр и Ницше. Что касается до содержания «адогматического мышления», то мы готовы его приветствовать именно в наш век доверия ко всяким монистическим системам. Нам несомненно угрожает схоластика единых систем и всеохватывающих схем, и весьма нелишнее вспомнить о фрагментарном характере нашего знания, о вечно-изменчивой пестроте нашего опыта; полезно почувствовать, как эта бесконечная мировая игра способна уложиться в окаменевшее русло нашей теоретической схемы. Догматизм самый, быть может, опасный враг в пределах современного духовного горизонта. Но, чтобы тот «догматизм» произ-